Багровое пламя волновалось. Его изящные языки буйно колыхались, то резко взмывая ввысь, едва освещая и разгоняя бездонную тьму на месте отсутствующего потолка, то опадая почти до каменного пола. Он яростно трещал, и делал это то громко, то удивительно тихо, будто на грани еле слышного шёпота.

В центре просторного круглого зала, опоясанного этим огнём, сидели двое. Ни демон в красном пальто, ни мальчик в чёрной рубашке и светлых брюках не обращали никакого внимания на состояние разумного пламени — наоборот, это оно реагировало на настроение сидящего прямо в пустоте Гарри Поттера.

Оба молчали. Но в то время как демон оставался спокоен, как скала, его ученик пребывал в крайнем удивлении. И даже больше. Услышанное несколько мгновений назад не просто удивляло — оно натурально шокировало и выбивало почву из-под ног!

Мальчик, чуть ли не нокаутированный заявлением Кзина, растерянно открывал и закрывал рот, не произнося ни звука. Словно рыба, которую резко вытащили из воды…

— По-подожди! — выдохнул он, наконец, помотав головой. — В каком это смысле сидит кусочек души?! Как это возможно?! И почему я ничего не знаю и не чувствую?! Это!..

Он задохнулся, не в силах продолжить. Пламя взметнулось с новой силой, словно подпитываемое его эмоциями, как сухими дровами. Демон посмотрел на Гарри, и в его огненных глазах мелькнуло нечто странное. То ли сочувствие, то ли досада, то ли что-то ещё.

— Это и в самом деле редкое явление. Обычно разделением души на осколки, а тем более подселением их в живых существ никто не балуется. Даже жертва части себя, о которой я рассказывал ранее, встречается довольно редко. То, что произошло с тобой — ещё реже. Но «редко» не значит «никогда», — демон легкомысленно пожал плечами. — Полагаю, твой осколок — результат пришествия в ваш дом этого Волан-де-Морта, о котором ты как-то рассказывал. Других вариантов я не вижу. И если это так, то логично, что ты ничего не знал — тебе ведь был всего год, когда это случилось.

Эти слова будто ударили Гарри под дых. Он прищурился и сжал кулаки. Огонь заволновался пуще прежнего.

— Значит, во мне засел осколок этого ублюдка?! — прорычал он.

— Скорее всего, — Кзин снова пожал плечами и усмехнулся. — Не понимаю, отчего такая негативная реакция. Любой бы обрадовался, что ему есть, что жертвовать, без вреда для себя.

Мальчик выдохнул сквозь сжатые зубы. Получился резкий свистящий звук.

— Я должен радоваться тому, что внутри меня предположительно, — Гарри саркастично выделил это слово, ясно давая понять, насколько мало оно его волнует, — засел кусок души того, кто убил моих родителей?! Ты в своём уме, Кзин?! Да я хочу сжечь его дотла прямо сейчас! И сделать это медленно и мучительно! Он же что-то ощущает, верно? Эта жалкая душонка ведь почувствует, как мой огонь будет пожирать её?

Наставник нахмурился и почесал подбородок.

— Слушай, я понимаю — месть это святое, а тебе неприятно такое «соседство». Но лучше бы тебе включить мозги. Мало кому везёт так, как тебе. У тебя в руках буквально золотой билет, и многие другие, не задумываясь, убили бы ради него, — он осуждающе ткнул пальцем в своего

ученика. — Только представь — ты сможешь получить ощутимые блага от Первостихии, не калеча себя и не принося в жертву кого-то другого. Последнее, напоминаю, не только гораздо сложнее и требует специального ритуала, но и давно вынесено за рамки закона и морали, о которых ты так заботишься.

— Ты не понимаешь, Кзин! — срывающимся голосом возопил мальчик. — Как я могу смириться с этим?! Я чувствую себя грязным, оплёванным! Как я могу терпеть кусок сущности Волан-де-Морта в себе?! Как я могу обнимать сестру, пока внутри сидит эта мерзость?!

— Ладно-ладно, успокойся! — демон устало вздохнул. — Я тебя понял. Ты хочешь слить свой счастливый билет в унитаз. Прекрасно, всё равно мы уже нашли таковой, и не стоило так волноваться. Пожертвуешь осколком ради жалких прядей демонических волос, только и всего. Когда-нибудь ты об этом непременно пожалеешь, но кто я такой, чтобы мешать юному дарованию набивать шишки, а?

Учитель ехидно усмехнулся.

Гарри вдруг ощутил себя полнейшим идиотом! Известие о том, кому именно принадлежит частичка чужой души, по какой-то причине оказавшаяся внутри, совсем выбило мальчика из колеи. И вывело из себя. Да ещё настолько, что он совсем забыл, о чём шла речь всего минуту назад. Осознание произошедшего было неприятным и даже давящим. И ехидная улыбка Кзина нисколько не помогала ему преодолеть это…

Нужно было во что бы то ни стало успокоиться. Важный разговор лучше прервать вовсе, чем продолжать его, кипя эмоциями. Мальчик же совсем не хотел откладывать его на потом: чем быстрее наставник научит, как пожертвовать частичкой души, тем скорее он избавится от ненавистного куска Волан-де-Морта. И потом вздохнёт спокойно!

— Ладно, я понял. Извини меня, — буркнул он, глубоко вдыхая и выдыхая. — Не стоило так срываться…

Пламя постепенно начало стихать, возвращаясь к привычному, относительно размеренному состоянию. Гарри вдруг поймал себя на мысли, что взгляд на этот огонь очень успокаивал сам по себе. Было что-то прекрасное в том, чтобы просто сидеть и беззаботно наблюдать за яркими красными языками пламени.

Демон усмехнулся ещё раз, на этот раз уже добрее, может, чуть снисходительно. Но явно без негатива. Не похоже, чтобы вспышка Гарри хоть как-то задела его.

— Хорошо. Если мы закончили с этим, а твоё решение всё ещё в силе?.. — наставник помедлил, очевидно давая Гарри окно для отказа, но мальчик лишь уверенно кивнул, так что ему пришлось продолжать. — Тогда начнём с теории. Сначала я научу тебя накладывать сеть. А потом уже коснёмся жертвенной магии.

***

Кзин не соврал — ждать ещё месяц не пришлось. Уверенно творить удерживающую сеть Гарри научился за четыре ночи. Потом он ещё три дня практиковал заклинание в своём тайном классе, пока окончательно не приноровился применять его, используя родной проводник, и с учётом магического фона родного мира, а не того стабилизированного кусочка Хаоса, в котором встречался и тренировался с наставником.

Затем ещё несколько ночей демон учил его обращаться к Хаосу внутри себя. Это оказалось проще некуда — в конце концов, Он был его источником, и для Гарри обратиться к Первостихии было не сложнее, чем ощутить свою магию. Гораздо сложнее оказалось обозначить жертву. Кзин предупреждал, что следует быть очень осторожным, чтобы случайно не пожертвовать себя целиком или отдать больше, чем планировал. Он не слишком вдавался в подробности, которых, по его словам, мальчик бы пока не понял, и сказал, что позже объяснит всё, что необходимо.

Пока же наставник сосредоточился на куске чужой души. Тот факт, что она была чужеродной, позволял легко различить её от своей собственной, чтобы принести в жертву. При необходимости её бы тоже можно было раздробить и отдавать Хаосу частями, каждый раз получая от Первостихии необходимое. Но, как заметил Кзин, раз его протеже так нетерпелось избавиться от куска, можно было просто, без затей и без лишних сложностей и работы со стороны мальчика отдать его целиком — это было сделать проще всего. Буквально, не сложнее, чем взять кусок мяса и бросить голодному хищнику, не пытаясь спасти хотя бы малую часть еды, чтобы скормить позже.

И так через полторы недели Гарри был готов осуществить свой план. Для этого он всего лишь снова одолжил у сестры мантию-невидимку и, дождавшись ночи, направился прямиком на третий этаж.

Тут-то его и постигло жестокое разочарование.

Стоило мальчику протянуть руки, чтобы снять тяжёлую перекладину, закрывавшую дверь, как он понял, что всё будет не так просто. Ладони просто не смогли коснуться металлической балки — намертво застряли в воздухе буквально за несколько дюймов от цели и никак не продвигались дальше.

«Чары!» — понял он.

Гарри поспешно отступил от двери, за которой уже послышался шорох и тяжёлое собачье дыхание, и накинул мантию. И очень вовремя!

Буквально через минуту в коридор с сияющей палочкой наперевес ворвался слегка запыхавшийся директор. Похоже, длинная неудобная мантия нисколько не мешала ему быстро перемещаться. Мальчик испуганно замер в дальнем тёмном углу, от страха даже забыв, как дышать. В оглушительной тишине его сердце билось так часто и громко, что Гарри удивлялся — как это великий чародей не слышит этого! Ведь почти как барабанный бой!

Дамблдор тем временем обвёл всё вокруг подозрительным взглядом своих удивительно ярких голубых глаз и пробормотал несколько заклинаний себе под нос. Ничего не случилось. Директор, не успокоенный полученными результатами, повторил процедуру уже с другими чарами — с тем же эффектом. И ещё два раза — видимо, для закрепления уверенности.

После этого старик подошёл к двери — как хорошо, что Гарри додумался спрятаться в дальнем от неё углу, а не то бы от страха уже потерял сознание и, рухнув на пол, выпал из-под мантии. А там уж отчисление и отправка обратно в Лондон были бы обеспечены.

Тем временем Альбус Дамблдор сделал несколько пассов палочкой, похоже, проверяя сохранность наложенных чар. А потом и вовсе развеял их и открыл дверь, тут же бросив в зарычавшего цербера сияющую ярким белым светом сеть. Демон тяжело рухнул на пол, беспомощный против столь подавляющей силы, неспособный даже пошевелиться. Ровно это планировал сделать и сам мальчик, но заклинание директора явно имело иную природу,

нежели Хаос. Гарри затруднялся определить точно — Свет или Порядок, да это было и неважно в данный момент.

Не обращая внимания на грозный рык, вырвавшийся из всех трёх пастей разом, директор шагнул внутрь и произнёс несколько заклинаний уже там. На взгляд Гарри это было уже совсем лишней мерой. От цербера бы никто не скрылся — его глаза прекрасно видели магию, как рассказывал Кзин. И раз уж демон был жив, здоров и никого не разрывал на части, когда появился директор и открыл дверь, то прячущихся посторонних в комнате точно не было.

«А он тот ещё параноик», — подумал мальчик, глядя, как старик закрывает дверь и восстанавливает защиту.

Наконец, Дамблдор спрятал палочку в одном из своих широких рукавов и вышел из коридора. Лишь спустя несколько минут Гарри позволил себе облегчённо выдохнуть и медленно сползти по стене.

Сердце от волнения стучало, кажется, где-то в горле, а перед глазами всё плыло. Вдобавок ко всему этому крупные капли холодного пота нещадно стекали по лицу и шее, но обессиленный мальчик не мог даже поднять руку, чтобы утереть его. Из него словно высосали все силы, и Гарри просто лежал, «наслаждаясь» твёрдостью и холодом древнего каменного пола.

Вот уж чего юный нарушитель точно не ожидал этой ночью, когда надевал мантию-невидимку в гостиной факультета!

В себя Гарри пришёл ещё нескоро. Лишь когда холод по всей спине стал весьма чувствительным, мальчик сделал невероятное усилие и поднялся на ноги. Инстинктивно стараясь не шуметь, хотя Дамблдор уже давно покинул третий этаж, он направился обратно в гостиную.

Мысли, до того вялые и медленные, потихоньку начинали бежать с прежней скоростью и остротой. А эмоции, наконец, стали разнообразнее, чем подавляющий и парализующий страх быть пойманным. Теперь над ним доминировало облегчение. А также досада и раздражение от того факта, что полностью готовый к реализации план полетел коту под хвост. Эх! А ведь он надеялся уже этой ночью получить желаемое и навсегда забыть и о цербере, и о философском камне, и обо всех желающих украсть ценный артефакт!

Видимо, не судьба.

Теперь придётся что-то делать с чарами директора — а иначе дверь просто не открыть. Не облегчало задачу и то, что кроме защитных чар, на дверях лежали и сигнальные заклинания. Даже если получиться как-то снять их, то Дамблдор немедленно узнает об этом и явится буквально через минуту-две. Теоретически Гарри мог бы успеть за это время отбросить засов, открыть дверь, связать цербера и отстричь несколько прядей, а потом спрятаться под мантией — благо, под ней Дамблдор его не обнаружил. А там пусть директор хоть весь замок переворачивает вверх дном в поисках того, кто воспользовался магией Хаоса. Но проверять это на практике мальчик, даже если бы знал, как снять чары великого чародея, не рискнул бы.

Не давал ему покоя и тот факт, что в прошлый раз они всей компанией не просто наткнулись на дверь, но даже открыли её. И ни единого следа чар, никакой тревоги. Директор, похоже, даже не узнал о происшествии.

Или узнал? Но по какой-то причине предпочёл не вмешиваться?

Да нет, полнейший и абсолютнейший бред! Просто немыслимо! Не мог директор допустить такой угрозы ученикам!

А значит… кто-то другой снял эти заклинания? Но кто? Снейп, которого с таким упорством подозревают ребята? Или, как больше предполагал сам Гарри, тот неизвестный, на кого директор поставил ловушку? Могло ли случиться так, что ребята банально спугнули вора, и ему пришлось срочно уходить, не восстановив чары и так и не заглянув за дверь? А ведь возможно!

Последняя мысль выглядела наиболее логичной. И, может быть, этим стоило как-то воспользоваться. Но как?..

Размышления мальчика неожиданно грубо прервали голоса. Гарри бы даже не придал им значения. Подумаешь, портреты или призраки переговариваются между собой — обычное дело. Но один из голосов принадлежал профессору Квиреллу. Мальчик тут же шагнул к стене и притаился, пережидая патруль. И…

Что-то было не так. Голос Квирелла звучал необычно. Непривычно уверенный и ровный, без единого намёка на заикание, он совсем не походил на голос профессора ЗОТИ.

— … вы так уверены в этом?

Ответил ему совсем незнакомый голос. Да ещё какой! Высокий, ледяной, чуть шипящий. Почти нечеловеческий. От одного только его звучания мурашки табуном побежали по спине Гарри.

— Я всегда и во всём уверен. Силы покидают меня, и нужно сделать это, как можно быстрее. Сегодня, максимум, завтра. Проклятая псина может и подождать! Оооох уж эти Поттеры! — протянул неизвестный крайне злобно. — Раньше бы я отправил демона обратно в Преисподнею и даже не запыхался!

Гарри весь обратился в слух. Его собственная фамилия невольно привлекла всё внимание. Кто же разговаривал с Квиреллом? И чем ему успели насолить Гарри и Холли?

Шаги приближались. Среди лунного света уже можно было заметить длинную тень, неторопливо ползущую в сторону поворота, у которого затаился спрятавшийся под мантией нарушитель.

— Но как же проклятье, мой лорд? — в голос профессора скользнула неуверенность.

— Нет такого проклятья, которое бы нельзя было снять. Вопрос лишь в цене. И даже Проклятье Единорога не исключение.

Мужчина показался из-за поворота — яркий лунный свет осветил фигуру, и Гарри без труда узнал экстравагантную фиолетовую мантию и приметный восточный тюрбан на голове профессора. Двигался он тоже не так, как обычно — походка была уверенной и плавной, никак не нервной и семенящей. Удивительно, но его собеседника нигде не было видно, а Квирелл даже не поворачивал головы в сторону другого человека, словно разговаривал сам с собой. Лишь холодный нечеловеческий голос подтверждал ошибочность этой мысли.

Может быть, он был под чарами невидимости? Или под мантией, как сам Гарри?

Неожиданно шрам обожгло пульсирующей болью. Будто раскалённый добела железный гвоздь впился прямо в голову, и Гарри лишь чудом удержался от того, чтобы вскрикнуть или

зашипеть. Он зажмурился изо всех сил, не в силах просто так терпеть эту муку. Ему было так плохо, что мальчик совсем упустил, что же сказал профессор и часть ответа незнакомца. Всё, чего он сейчас хотел — это прекращения странной, мучительной и крайне несвоевременной боли.

— … И подготовь кристаллы. Мне понадобится очень много энергии, мой верный слуга. Старик не ограничился одним цербером, уж поверь мне. Сколько я с ним враждовал, у него всегда были тузы в рукаве, и один удивительнее другого. Ну ничего, как только я получу камень, мир узнает, что никакие уловки не спасут ни Дамблдора, ни этих щенят Поттеров от Лорда Волан-де-Морта!..

Шаги постепенно стихли, фигура профессора и его невидимого собеседника давно скрылась из виду, а ноющая боль в шраме улеглась, будто никогда её и не было. Но Гарри как стоял на месте, будто вкопанный, так и продолжал это делать. В голове крутились последние слова, произнесённые ледяным страшным голосом. Они буравили сознание, неумолимо расшатывали всякое спокойствие и разжигали обжигающий огонь ярости и ненависти.

Тот, кто обрёк его на детство без родительской любви, разделил с сестрой и вдобавок подселил кусок своей гнилой душонки в его тело, как ни в чём ни бывало, шёл по коридорам этой школы, скрываясь от чужих глаз, и рассуждал о том, как продолжит свои зверства!

От одной только мысли об этом зубы непроизвольно заскрежетали друг о друга. А руки сжались в кулаки с такой силой, что на ладонях определённо должны были остаться глубокие следы от впившихся ногтей.

Гарри злобно выдохнул и бросил взгляд туда, где скрылся за поворотом Квирелл. Если бы кто-то мог сейчас увидеть мальчика, он бы изрядно испугался того неукротимого огня, что яростно запылал в изумрудных глазах.

«Значит, тебе нужен камень, ублюдок?! Ну что ж, теперь он заинтересовал и меня. И я позабочусь о том, чтобы твои грязные ручонки никогда не добрались до него! А ты будешь гореть в пламени Хаоса, раз уж каким-то образом пережил ту роковую ночь!»

Не задерживаясь больше ни секунды, Гарри стремительно направился в гостиную. Ночь оказалась удивительно насыщенной и принесла ему весьма много пищи для размышлений. Но самое главное — она поставила перед мальчиком теперь уже не одну, а целых две крайне сложные и рискованные задачи. И он планировал решить обе, и уже никто бы не сумел остановить его.

Подобно набравшему разгон локомотиву, неумолимо идущему к своей цели, Гарри быстро добрался до спальни, лёг в кровать, спешно стянув с себя одежду и спрятав мантию под подушку, и попытался поскорее уснуть.

Получилось из рук вон плохо. То, что Гарри узнал этой ночью, разожгло внутри настоящий пожар. И мальчик никак не мог успокоиться. Оттого раздражённо ворочался в кровати, то укутываясь одеялом до самого подбородка, то откидывая его прочь. Переворачивался на спину, на бок и снова на спину. И наконец, его сморило, когда часы показывали два часа и пятьдесят две минуты.

Гарри нетерпеливо огляделся, стоя в круглом зале. Пламя, и раньше реагировавшее на его настроение, сейчас как будто совершенно вышло из-под контроля. Оно яростно билось на периферии комнаты, постоянно взмывая вверх и освещая тьму зловещим красным светом. И ни на секунду не опускалось к полу. А ещё его треск был таким яростным и злым, какого Гарри

ещё никогда не слышал в этом месте.

Это пугало и завораживало одновременно.

Кзин появился очень скоро. Демон мимолётно огляделся, отмечая состояние «стен», и тут же обратил всё внимание на ученика. Нахмурился и подошёл вплотную. Его рука мягко опустилась на плечо, и Гарри с огромной благодарностью ощутил невероятное горячее тепло и поддержку, исходящую от наставника.

Он невольно поднял голову и встретился с огненными тёмно-зелёными глазами демона.

— Рассказывай.

http://tl.rulate.ru/book/90154/2894076